

* * *

Ночь, луна, дорога белая,
Звёздный купол до земли.
Где я, Господи, что делаю
От привычного вдали?

Так глядят вокруг спросонок,
Сияясь сущее понять.
Как потерянный ребёнок,
Я готова закричать.

Закричу, но нет ответа —
Всё объято мёртвым сном.
Словно я за гранью света,
В мире странном и чужом.

Тишина такая плотная,
Сковывает тишина.
И минуты доля сотая
Нескончаемо длинна.

Сон о Париже

Солнце ещё не всходит,
И затаённая тишь
манит меня и уводит
в сад Люксембургский.
Париж
сонный — монументален
и отрешённо красив.
Словно надышен из спален
воздух душистый.
Курсив
вывесок не погашен,
и фонари горят.
С каждой минутой краше
и очевидней сад.
Но нереально и странно,
в час, когда спят ещё все,
зябкое утро...
Туманны
астры в холодной росе.

* * *

Крест-накрест над Парижем воздушные пути... Со мною, но не ближе, чем раньше, ангел, ты.	Я нежностью болею, и я дышу едва... Париж, как сновиденье, в платанах золотых, и я в его владеньях, в объятиях твоих.
Не улетай в аллеи, где плещется листва.	

Так приходит весна

Человек под снегопадом В чёрной шляпе и пальто. Раздвигая снега пряди, Он идёт, его никто	Он насквозь проходит город, Эту зиму, этот снег. Он с собой уносит холод, Незнакомый человек.
В нашем городе не знает, Он не знает никого. Только снег его ласкает, Плечи кутает его.	Незабудками и кашкой Поросли его следы. И, не помня день вчерашний, Дышат нежностью сады.

Два удела

— Пока ты будешь строить дом,
я буду песни петь тебе...

Мир впал в отчаянный Содом.
Невозмутим один Тибет —
витает где-то в облаках,
а мимо жизнь и смерть.
И нечто,
поболее, чем то и это,
там обитает.
Поэтому
Тибет спокоен,
он в нирване.
Что мировой ему Содом!
В молитве, как в броне, Тибет.

— Пока ты будешь строить дом,
я буду песни петь тебе...

Музыка

Лидии Янковской

И ты выбираешь музыку жизни,
Вернее, она выбирает тебя.
Пристрастья людей весьма капризны,
Но музыка — это судьба.

Кому-то сквозь годы — «Прощанье славянки»,
Кому-то соло выводит труба,
А кто-то тоскует под звуки тальянки.
Музыка — это судьба.

Поветрие, мода, слава минутная —
Короток шлягера век.
Я не об этом... Планета уютная
Создана не для всех.

И ты зависишь в космосе Баха.
Нерукотворна созвездий резьба.
Музыка — счастье, музыка — плаха,
Музыка — это судьба.

Ничья изба

Это было ни днём и ни ночью,
мне привиделось словно воочью,
как мужик невысокого роста
избу поднял легко и просто.

Он держал за конёк избу,
отряхая кругом городьбу.
Изумился затее невольно,
увидав избяные корни.

Сотню лет простояла изба.
Не одна в ней роилась судьба.
Чтобы крепче стоять — на века —
подпирала себе бока.

Корни в землю пустила она.
А когда осталась одна,
поиссохли корни её.
Ветер в окна свистел: чьё жильё?

Чьё жильё? — всё пытал он своё.
Только ставни скрипели: ничьё...

Тоска

Студёный свет небес и поля
и жалкий вид осин.
Тоска страшнее, чем неволя.
Не плачь, ты не один.

Не тьма пылит вдоль поднебесья,
не птичий клин —

сквозят и ангелы и бесы.
Не плачь, ты не один.

Светёлка спрячет и укроет.
Стакан вина, графин...

С тоски не только волки воют.
Не плачь, ты не один.

Сумерки

Уже не день, ещё не ночь.
Есть тайна в сумерках вечерних,
Когда, пытаясь превозмочь
Свеченье зарослей осенних,
Тьма наступает неизбежно.
И в этой поступи сквозной
Всё тает — тропка, лист резной
И куст прибрежный...

Бабье лето

Плакала наша молодость — В осень дороги ведут. Золото, золото, золото В улочках и в саду.	Наша пора золотая, Воздух душист, как саше. Столько сиянья и света. Милый ты мой человек. Жалко, что бабье лето Коротко. Как и век.
--	--

* * *

Если буря не сломает, Если пламя не сожжёт, Этот клён, что мне внимает, Жизнь мою переживёт.	На ветвях своих широких, Как беспомощных галчат, Дольше, чем земные сроки, Будет боль мою качать.
---	--

Перед вербным

Ночь. Суббота. Я одна. Где-то сон гуляет. Тьмой повита тишина, Лишь собака лает.	От дверей и до окна Тихо светит верба. Слух дыханье сторожит — Так сердечку тесно. Но и это отболит В день Воскресный.
---	---

Видение

Я выхожу на крыльцо
дома, которого нет,
и целую лицо,
от которого свет
неземной...

Понимаю, что это — сон.
Но я слышу, как наяву,
колокольни разрушенный звон
и прощальную песню твою.

* * *

Так ближних роц чудесен вздох, как будто там ночует Бог. Но небеса сегодня строги — Туч задремавшие отроги сокрыли тихий слабый свет... Пробьётся лучик, как Завет,	и напитает душу верой. Какою полновесной мерой измерить трепет и восторг, когда сиятельный восток врата грядущим дням откроет, роса росиночку умоет?..
--	---

* * *

И то сказать: какая малость —
росинки маковой прохлады.
А смоем тёмную усталость
с лица — и большего не надо.

Какая малость — слово нежное,
а для души, глядишь, отрада.
Любовью, Верою, Надеждою
живу — и большего не надо.

* * *

Голубое, синее, индиго...
Небо — непрочитанная книга.
Я так много слышала о ней,
тихий-тихий, чуткий книгочей.

Господи, я думаю о том,
где на самом деле Вечный Дом.
Я уже ступила на порог.
Это лишь начало. Не итог.

Песня

Эта песня из далёких,
из неведомых высот —
там, наверно, одинокий
певчий странником живёт.
То по облаку шагает,
то над городом летает,
а когда поёт, то слышно
в каждом доме на земле —
не помеха даже крыша,
штора плотная в окне.

Эта песня возникает
в синих сумерках, когда
всё тихонько засыпает:
птицы, травы, облака.
Эта песня для души.
Спят спокойно малыши —
их душа, как белый снег.
Только взрослый человек
песню слушает, не спит —
у него душа болит.

Примета

Листва и птицы улетели
не оттого, что сад не мил —
там ночью ветер голосил,
сквозили белые метели.

Слетались вороны к утру.
Сад, окроплённый чёрной меткой,
дрожал при этом каждой веткой.
И это было не к добру.

* * *

Ничто не радует меня.
Такая тьма, что застит краски,
как будто предана огласке
любовь, монетою звеня.

Кто выкрал радость бытия?
Иль столь не зорка я сама,
что не заметила клейма,
черней чугунного литья,
на лбу предателя и вора,
что тайно в сердце мне проник

и к вечной радости приник,
затмив сияние узора
снежинки, веточки, листа —
лучом пронзённое сердечко.
Слети, заветное словечко,
и разомкни мои уста
для радости, для восклицанья.
Верни улыбку и слезу,
яви далёкую звезду
для новых дум и созерцанья.

Поэт

Разве сердце не хотело
нежной слабости поддаться?
Ты поэт — и в этом дело,
ты умел сопротивляться.

Устилали лестью путь,
напускали свору лжи.
Не сумели там и тут
выкупить твоей души.

* * *

Поэта любимого томик потрёпанный.
По книге, как по лесу тайными тропами,
бродила за Ним и слёзы лила.
А он и не ведал, что рядом была.

И если сегодня ночь тёмным крылом
коснётся, я вздрогну: не Он ли в мой дом,
в мой век, в мою ночь в крылатке влетел...
И я так хотела. И Он так хотел...

* * *

Незримый свидетель жизни моей,
я чувствую близость твою.
Чем жизнь веселее, тем мне страшней,
как будто стою на краю:

то страх суеверный за светлые дни —
не слишком ли много одной?

Но я ль виновата, что все огни
небесные — надо мной.

Никак мне не спрятать лучистый свет —
да что я сама без огня?!

А все, кто мною любим и согрет,
уже не покинут меня.

* * *

Опершись на кромку неба,
загляни за край земной —
там ни зрелищ и ни хлеба,
только мрак один сплошной.

Ты хотел туда — поди же.
Не бывает жизни две.
Но какой апрель в Париже,
но какой апрель в Москве!

Прощание

В начале пятого утра,
когда за окнами светает, —
тебе пора! тебе пора! —
и слово, словно свечка, тает.

Прощальное слетает с губ.
И слышно, как хрустят суставы
у сонных водосточных труб.
И света бледная отравя,

Проникнув в комнату, прильнёт
к твоим глазам — и ты очнёшься...
И пять пробыёт, и шесть пробыёт —
ты виновато улыбнёшься.

Пора, пора! твоё лицо
теперь навек — лицо разлуки.
И сжаты в мёртвое кольцо
мои немеющие руки.

* * *

Там, где плачут камыши пьяные в хмельной глуши, где метёлка синь метёт, поздней бабочки полёт	удивит и обнадёжит, хоть суровее и строже и тоскливей даль вокруг. Это — временный недуг.
--	--

* * *

Жизнь вернулась ко мне. Но другая — чуть тише пеньё птиц и небес после долгой беды. Жизнь вернулась ко мне. И сияние свыше вновь увидела я над сияньем воды.	Улыбнулась, заплакала — ты ещё рядом. И прижалась к плечу, и приникла к щеке. И пошли мы вдвоём к оснежённому саду, к золотой и мерцающей звёздной реке...
---	---

* * *

Мне женой твоей дольше века быть, рука об руку и по небу плыть, вспоминать земной благовестный час. Да и смертный час не разлучит нас.	По душе душа — краше солнышка. Знаю я тебя — ах! — до донышка. Так люблю тебя — не разлюбится. Как сказала я — так и сбудется.
---	---

Остров

Ты мне подарил этот Остров
за слёзы в любви.
Смотри же: не плачу,
лечу, словно чайка — лови!
Я взором ласкаю, рукой обнимаю
простор и тебя.
Какое сиянье вокруг и слиянье.
Так думаю я.

Здесь горы синее, лиловой
июльских ночей.
Как остров распахнут, тишайший,
как будто ничей.
Здесь вмиг улетают тревожные мысли
за грань бытия.
Здесь всё меня любит, ласкает, приемлет.
Так думаю я.

Полынь

Из каких глубинных снов
вечности полынью пахнет?
Девочка присядет, ахнет
над горчайшим из кустов.

Что напомним запах ей,
отчего она заплачет?
И полынь в кармашек спрячет
до других, весёлых дней.

* * *

Сухой шепоток осоки
и влажные всхлипы воды...
ну что же, не так уж и плохи
дела, коли слушаешь ты

природы изменчивой звуки
при свете живого огня —
то ноченьки сладкие муки,
то терпкая радость дня.

* * *

Мокрые ступени
и счастливый смех.
Влажный куст сирени
спрячет ото всех.

В песенке зелёной
плещется куплет...
Быть такой влюблённой
в сорок с лишним лет!

* * *

Скомкан свет, как бумага.
Глеет старый ночник.
Ночь длинна, словно сага,
и темна, как тайник.

Нежность плавит зрачки.
В сад слетаются звёзды —
золотые жучки
на лиловые гроздья.

Выйдем в сад, у крыльца —
запах спелой морошки.
От луны вдоль лица
твоего — две дорожки.

Льётся ночь. Тишина.
Дом к вселенной приник.
Ночь, как сага, длинна
и темна, как тайник.

Жасмин

Все краски тьмой поглощены.
Но цвет жасмина не погашен —
он освещает окна наши
и не приснившиеся сны,

которые во тьме витают,
как дети, просятся в кровать.
Но невозможно нынче спать —
цветёт жасмин, благоухает.

Предрассветное

Перепутья, перелески,
отголоски, тишина
в шуме сосен, в нежном всплеске.
В этом мире я одна.
Тьмой повита моя свита —
есть иль нет, не вижу я.
Как объятия, раскрыта
полуночная земля.

Всё неявно, всё так зыбко —
ночь, сориночка-звезда...
Но моей земли улыбка,
но небесная слеза,
сочетаясь, остаются...
им довериться легко.
Колокольчики смеются,
солнце всходит высоко.

Апрель

Ночью крошечной мнится: ночь на груди пригрели —
где-то за пологом тьмы ласка, да шёпот, да зной...
свет ожиданьем томится длинные ночи апреля
свидеться с нами, а мы жизни короткой земной.

* * *

Саше

Послать глазами поцелуй Присесть на краешек стола,
и мысленно слегка коснуться чтоб тень на рукопись упала
запястья занятой руки, и ты подумал: кто-то рядом...
не отвечающей на ласку. глаза поднял — а это я!

* * *

Два сыночка у меня —
две кровиночки,
две отрады и в глаза —
две слезиночки.
Не сморгнуть мне эту боль —
я и не желаю.
Два сыночка —
хлеб да соль,
да вода живая.

Молитва России

Господи, дай мне силы Может, я отсветом стала
встретить грядущий день Русской Великой Звезды?
и отведи от могилы
матери скорбную тень.
Господи, я устала Господи, я, как и прежде,
жить на краю беды. вся пред тобой стою —
в ранах, слезах и надежде.
Верую в милость Твою.

* * *

В тёмном обмороке вод Переправа через жизнь?
разглядишь, пожалуй, время. Через время переправа?
Мной оставленное стремя За соломинку держись,
тонуло... Где тут брод? берег левый — берег правый...
Где тут, братцы, переправа За соломинку, за луч,
через омут черновой? за незримую пылинку.
Не пропасть бы с головой — Невесома, как былинка,
так цепляют путы-травы. только дух один могуч.

* * *

Дыханье несоизмеримо
с покоем вечного креста.
Твори молитву и незримо
целуй любимые уста.

Сухой полынью пахнут губы.
Чего душа так жадно ждёт?
Умрёт, коль счастья не пригубит,
молитвой небо обожжёт.

* * *

Не плачу, но знаю: есть истина горше
полыни в осеннем саду —
отпущен мне срок, ни меньше ни больше,
чем писано на роду.

А хочется дольше и дальше во времени
Длиться подобно лучу.
Не плачу. И знаю: нет лучше времени,
покуда я жить хочу.

* * *

Час ночной — мой час души,
ты помедли, не спеши,
дай над бездной посидеть,
пот дневной с лица стереть

и стереть дневную пыль.
Обнажи иную быть.
У родимого крыльца
Дай припасть к стопам творца.

* * *

Маме

Темным-темно в светёлке мамы,
темным-темна её печаль.
Родными грезит голосами
её задумчивая даль.

Прости, родная, что не рядом,
что далеко-далече я.

Была и есть и буду чадом
твоим, далёкая твоя.

И сердце чувствует до боли
твою тоску, твою печаль...
Как ветер две берёзки в поле,
обнимет нас с тобою даль.

Путь возврата

Наступает пора возвращенья.
Путь возврата и долог, и крут.
Я прошу у любимых прощенья —
Возвращаюсь туда, где ждут

первозданные светлые дали,
из которых я вышла на свет,
где ребёнком меня окликали
старики и крестили вослед...

* * *

Не к губам твоим припала,
а к ногам твоим упала.
Что просила, что молила —
и не помнила, забыла.

тьма ушла, сокрылся сон.
Колокольный слышу звон.

Он с небес на нас плывёт,
к близким — на небо — зовёт.
Крепко взглядом держит сын:
как же мама, я... один?

Только знаю: в чёрный час
Солнце двинулось на нас —

* * *

Когда бы знали небеса,
какая власть у них над нами,
когда мы горькими ночами
срываем в крике голоса!

Как посылаем долгий взгляд:
помилуйте, даруйте чудо!
Что ж небеса? — они молчат,
и нет спасения отсюда.

* * *

От деревни моей
Только старый погост и остался.
Не война, не стихия —
поразъехались все кто куда.

Ах, не здесь ли мой дед
под весёлые песни венчался
с кареглазой Анфисой,
не здесь ли в колодце вода
отражала лицо молодое
моей мамы,
не здесь ли отец
время-времечко золотое
проводил среди добрых сердец.

И не я ли, казалось, недавно,
Здесь кормила смешных утят...
Ни ступенька не скрипнет, ни ставня.
Лишь рябины под ветром шумят.

И ни детям моим, ни внукам
Родовые не знать места —
Запахали кругом всё плугом
до могильного до креста.

На заброшенном старом погосте
Воздух горький — рябины настой.
И стою я, незваная гостья,
посредине России самой.

И выпал мне счастливый день —
как будто ангелы летали
за мной неслышно, словно тень,
и ни на миг не покидали.

То тучу тихо отведут —
пускай гремит себе далече,
то нежным облаком взойдут
и внутрь его меня влекут,
а там — рождественские свечи

и пахнет снегом, сладким чем-то...

Я помню: на дворе весна.
но ангелы атласной лентой
Закрыли взор мой. Мне смешна

забава их, причуда, ласка.
Я замираю не дыша.
По их невидимой указке
во мне волнуется душа.

Дорога

Из трёх дорог одна ведёт
неведомо куда.

То пыль, то снег по ней метёт,
метут мои года.

То колокольчик, то репей.

Иду — всё примечаю.

Чем дальше путь — тем веселей,

А почему — не знаю.

Гадание

Прервём девические речи
под тенью чёрного крыла,
к полуночи затеплим свечи,
поставим кру́гом зеркала.

Как много света!

Как неровно

сиянье из глубин зеркал.

И страшно и смешно нам,

словно

сквознякдохнул —

затрепетал

на стенах сонм теней и знаков

и отразился в зеркалах.

И был на лицах одинаков

весёлый суеверный страх.

* * *

Как книгу, память пролистаю
и о себе сама узнаю:
какой была, какою стала.
Как будто этого не знала!

Сойдутся все мои года,
все перелески, города,
где я бывала — и бываю!
Живу, а будто вспоминаю.

И вспоминаю, как живу.
Мну детства нежную траву —

ладони источают мятую
и это долгое когда-то...

Когда-то девочкой была...
Она живёт, как и жила
во мне — и в самый тихий час
она выходит, как сейчас

встречь глаз моих — глаза в глаза.
Глядит открыто и наивно...
Совсем похожая на сына,
когда бы не её коса...

* * *

Чёрным — через не могу —
нарисован
каплей дёгтя на снегу
чёрный ворон.

Загляделась и слезу
уронила —
в каплю дёгтя на снегу
угодила.

Горяча была слеза —
растопила
вкруг вороньего крыла
снег... Знобило

от предчувствия: беда
не мерещится —
ворон рвёт крыло с листа,
в сердце метится.

* * *

Отпусти меня на волю,
Тёмный-тёмный-тёмный сон.
Я пойду по белу полю,
где снежинок перезвон.

Чтобы много было неба,
чистой светлой глубины,
отпусти меня ты в небыль
досмотреть земные сны.